Как только Виктор увидел трех мужчин, выходящих из того входа, к которому приближались они с Кэри, он почувствовал, как по его позвоночнику побежал трепет. Такого рода слепая удача случалась в его работе так же редко, как и везде во вселенной.

"Ты видишь этих людей?" - спросил он. Он повернулся к ней и говорил тихо, как будто он был вовлечен в разговор, но не шепотом. Шепот был по своей сути мелодраматичным. Это привлекало внимание в отличие от простой речи. Хитрость заключалась в том, чтобы научиться говорить так, чтобы по губам нельзя ничего прочесть. Это означало, что слова будут немного невнятными. Но они все равно будут совершенно понятны любому, кто находится рядом.

У Кэри, хотя она не была профессионалом, был большой опыт тайной деятельности. Ее навыки были такими же хорошими, как у большинства профессионалов, которых знал Виктор. Ее единственным ответом был легкий кивок.

"Споткнись и упави, когда подойдеш к ним. Ничего лишнего. Не пострадай."

На этот раз она не стала кивать. Когда они приблизились, Виктор посмотрел на приближающееся трио. Ничего грубого; просто такая быстрая оценка, которую такой человек, как он, должен дать людям, подобным им, когда они приблизились. Такой же взгляд он получил от двух из трех мужчин, двух очевидных шестерок. Невысокий, худой мужчина посередине вообще не смотрел на него.

Зато он смотрел на Кэри, как и его два компаньона. Опять ничего грубого; не пялил глаза. Не более, чем предположительно гетеросексуальные мужчины в добром здравии смотрят на привлекательную женщину, с которой они не знакомы. Взгляды, если можно так их назвать, длились не больше секунды или двух.

Когда они были в двух метрах, левая нога Кэри, казалось, зацепилась за что-то на полу. К счастью для уловки, полы в кварталах сессии часто имели незначительные недостатки. Она завопила что-то бессмысленное, предприняла отчаянную попытку устоять - столь же отчаянную, как неловкая попытка Виктора схватить ее за руку - и упала на руки и колени.

Реакция трио была плавной и мгновенной. Тот, что посередине, резко остановился, готовый бежать; тот, что слева, отступил на шаг, его рука двигалась к куртке; тот, что справа остановился и сделал тот же жест рукой.

Виктор тоже резко остановился. Затем, не делая из этого шоу, осторожно двинулся вперед медленно и осознанно держа обе руки на виду. К тому времени, когда он подошел к Кэри и наклонился, чтобы помочь ей, он почувствовал расслабление в людях напротив него.

То, что последовало, было не слепой удачей, просто подтверждением быстрой оценки вероятности Виктором. Конечно, было приятно продемонстрировать свое мастерство, но в позвоночнике уже не было волнующего ощущения.

Если бы он споткнулся и упал, никто из мужчин не пришел бы на помощь. Молодая женщина, с другой стороны ...

Телохранитель, который не отступил, взял другую руку Кэри и помог Виктору поставить ее на ноги. Виктор бросил на него быстрый взгляд. "Спасибо, сэр." Он уже держал правую руку Кэри в левой руке. Теперь свободной рукой он взял ее левую руку чуть ниже руки другого мужчины.

Парень улыбнулся Кэри, кивнул Виктору и отступил.

Виктор больше не обращал на него внимания. Теперь он беспокоился только о Кэри. "С тобой все в порядке?" - спросил он. "Это было неприятное падение."

Она покачала головой. "Я в порядке. Немного встряхнуло и все. Я уверена, что это выглядело хуже, чем есть."

К тому времени трио возобновило свое движение и находилось в нескольких метрах. Один из телохранителей повернулся, чтобы посмотреть на них, но Виктор старался не спускать глаз с Кэри. Важно, чтобы этот инцидент не вызывал подозрений.

Когда они были в десяти метрах от него, он взял Кэри за локоть и снова направился к входу в комплекс Юргена Дусека. Два человека, мужчина и женщина, вышли из утопленных в стену постов охраны. Оба держали в руках импульсные винтовки. Оружие не было нацелено ни на кого, но, очевидно, могло быть применено в одно мгновение.

"Для чего это было?" - спросила она, стараясь не шевелить губами, чему он был рад. Казалось она сказала "Ды лы че бы?"

"Расскажу позже," - все, что он сказал. Это казалось больше похожим на "Рыс-же-же!"

* * *

Проход через комплекс штаб-квартиры был не таким извилистым, как тот, которым вели его туда, но он был бы невозможен без одного из детей Дусека - в данном случае, девочки, которой было около десяти лет, хотя она вела себя с торжественностью, которая более подходила пожилому швейцару оперного театра.

"Не такой извилистый", однако, все еще означал лабиринт проходов - по мере того, как они проходили через него, это становилось ясно - предназначенный для оборонительных целей. Это намного превосходило сложность, с которой вы сталкивались в любом гигантском жилом или коммерческом здании, которое подверглось неизбежному броуновскому движению, которое влияло на внутреннюю планировку таких зданий, когда они существовали на протяжении веков. Антон проверил записи для Виктора и обнаружил, что это конкретное здание было построено в 1576 году ПР, почти три с половиной века назад. ("Возведенный в 1576 году" фактически означало "Закончен в 1576 году". Даже при современных методах и материалах строительства потребовалось несколько лет, чтобы построить такое огромное здание.)

Конечно, некоторые стены в керамокритовых зданиях были несущими, и они обычно тоже были из керамокрита. Перестановка этих стен была технически возможна, но это было настолько сложно и требовало такого специализированного - и очень дорогого - оборудования, что это делалось редко. Таким образом, первоначальная структура здания обычно оставалась неизменной даже в течение столетий.

То же самое нельзя было сказать о других стенах или даже полах. Керамокрит был настолько прочным и долговечным, что на самом деле было гораздо дороже сносить большое здание из него, чем возводить. В результате такие здания после создания были такими же постоянными, как и любая из основных географических особенностей окружающей местности.

Фактически более постоянными. Было проще и дешевле выровнять холмы и небольшие горы, осушить болота, изменить течение рек - или даже перепроектировать небольшие заливы, бухты

и фиорды - чем снести керамокритовые конструкции, составляющие сердце любого современного города.

Поэтому в течение длительного периода времени внутренняя часть таких сооружений постоянно перестраивалась в пределах фиксированной структуры несущих стен. Скромные квартиры заменялись на более большие и дорогие или наоборот; один тип магазина заменялся другим, с другими требованиями к пространству или высоте; коридоры, аудитории и внутренние парки перемещались, расширялись или сокращались - процесс никогда не прекращался.

Поэтому в большинстве современных обществ законы, регулирующие такие (пере)стройки, были строгими и хорошо исполняемыми. Нужно было не только разрешение для осуществления таких проектов, нужно держать в памяти компьютеров и обновлять ваши планы, схемы и чертежи. Теоретически, даже в самом большом из таких зданий полиция, пожарные или медики могли найти путь в любое место, используя компьютеры своего оборудования для доступа к самым последним данным из сети.

Не так было в обществах, где центральная власть была слабой, коррумпированной, или, как на Мезе, просто не заботилось о том, что делают граждане второго сорта в своих районах.

Это было глупо с их стороны - хотя бы потому, что в случае серьезного восстания это означало, что вооруженные силы, пытающиеся подавить восстание, будут вынуждены действовать в худшем из возможных мест. Танди сказала Виктору, что соларианские морпехи ничего так не боятся, как уличных боев внутри города - даже не так; внутри зданий. Преимущество было полностью на стороне защитников, независимо от того, насколько легко они вооружены - даже если у атакующих был доступ к обновленным и точным файлам внутренней планировки. Если же им приходилось действовать вслепую...

В большинстве миров это не было большой проблемой. Во-первых, организованные армии редко встречались в ближнем бою на обитаемых планетах из-за положений Эриданского Эдикта и Денебских соглашений. Межзвездный закон требовал, чтобы планета сдавалась, если противник контролировал орбитальное пространство вокруг нее; если это не так, то атакующим разрешалось использовать кинетическое оружие против защитников планеты, и очень немногие были настолько глупы, чтобы выступить против КО. Так что армии и морская пехота вряд ли встретят друг друга в такой урбанизированной местности.

Во-вторых, очень немногие партизанские или террористические организации имели силы для скоординированной защиты такой большой башни. У них могут быть всевозможные позиционные преимущества, это не помогало, если у атакующих были силы и технология, позволяющая им атаковать сразу со многих направлений,. Это означало, что даже действия полиции УПБ вряд ли часто столкнутся с подобной проблемой. Что касается полиции, то они, как правило, неплохо разбирали отдельные этажи или даже многоэтажные вышки, хотя работа становилась намного сложнее, если они не знали планировки. С другой стороны, большинство преступных организаций страдали от того же относительно низкого уровня бойцов, что и террористы и партизаны: таким организациям было просто очень и очень трудно соответствовать уровню сил и оборудования, которое подлинное правительство могло бы бросить в них.

И, в-третьих, города - по крайней мере, в большинстве действительно бедных миров Окраины - имели обыкновение растягиваться горизонтально, а не вертикально. Несмотря на все преимущества керамокрита как строительного материала, он был далеко не дешевым. Или, скорее, его компоненты были (буквально) "очень дешевы", но технологии и техника,

необходимые для его заливки и плавания, не были. Городские центры и жилье местных элит вполне могли, по последнему слову техники, использовать керамокрит и антигравитацию, чтобы достичь высот любого города Центрального мира, но естественные логова преступников и террористов, как правило, находились среди жилищ низшего класса и полной нищеты. И до тех пор, пока было доступно пространство, которое обычно было на планетах Окраины, бедное население возводило хрупкие и довольно низкие здания, обычно сделанные из местных материалов, которые были естественным аналогом дерева, камня, кирпича и соломы.

Короче, здания, через которые современные механизированные военные силы, такие как соларианские морпехи, прорывались легко.

Меза была исключением. Это было высокоразвитое общество, чьи города - и особенно столица Мендель - были построены по современным образцам. Но это, из-за его особой социальной структуры, позволило значительной части населения игнорировать закон, когда дело доходило до внутреннего строительства.

Почему? Виктор обдумывал проблему, когда впервые столкнулся с ней. Ничто из того, что он видел или узнал о все еще таинственном Соглашении, не заставляло его думать, что они вообще были небрежными или бессистемными в своих планах или действиях. Так почему же они терпели все эти века такую очевидную щель в своих доспехах?

В конце концов он пришел к выводу, что у их кажущейся небрежности две причины. Первой была неподходящая - для них - политическая структура Мезы. Режим планеты не был полицейским государством в обычном, так называемом "тоталитарном" смысле слова. (Виктор всегда добавлял "так называемый" к термину, потому что такие общества были далеко не "тоталитарными" в долгосрочной перспективе - как только что вновь доказал режим Пьера - Сен-Жюста в Хевене. Они редко длились более одного или двух столетий и часто разрушались всего за несколько десятилетий или даже несколько лет.)

Меза была гибридом. Для очень большого меньшинства его населения, полноправных граждан, оно было довольно демократичным, эгалитарным и управляемым законом. Правда, у него была корпоративная политическая структура, а не такая республика, как Хевен, или конституционная монархия, подобная Звездной империи, но таким же был Беовульф и большое количество звездных наций, которые никто не считал авторитарными или репрессивными. Более того, как бы ни была ограничена политическая власть граждан, их личные свободы в целом уважались.

Конечно, не то было для сессиз, а тем более для бесправных рабов. Рабы управлялись непосредственно их собственными хозяевами. На Мезе было в два раза больше рабов, чем свободных граждан, но это соотношение не было исторически необычным для рабовладельческих обществ. Соотношение спартанцев и илотов было значительно хуже, почти восемь к одному, а соотношение числа рабов к числу владельцев и надзирателей на плантациях Карибского бассейна было еще более экстремальным. Но преимущества лучшей организации и коммуникации, а также эффективная монополия на оружие - по крайней мере, выше уровня клинков и дубинок - делали их правление достаточно безопасным.

Были случаи успешных восстаний рабов, как на древнем Гаити. Но их было мало и они были редкими. В подавляющем большинстве на протяжении всей истории восстания рабов были беспощадно подавлены.

Но что делать с сессиз, которые составляли целых десять процентов населения? У сессиз не было прямых и непосредственных владельцев, которые могли бы их контролировать, а это

означало, что это должны были делать власти. Такая ответственность, однако, быстро становится невозможной для полиции обычного размера и регулирующих агентств. В большинстве обществ правоохранение должно быть самоисполняемым, чтобы быть работоспособным. Подавляющее большинство людей подчиняется законам не потому, что боятся наказания, а потому, что соглашаются. Они обычно соглашаются с законами - большинство из них, во всяком случае - и считают, что они отвечают их собственным интересам. Первая линия принуждения - это их личная совесть, а вторая линия - это не обвинение или арест, а социальное неодобрение друзей, семьи и соседей.

Что приводит проблему к началу. Единственный способ по-настоящему контролировать сессиз - создать полноценное полицейское государство, но это принесло бы все проблемы такого режима. Со времени возникновения образованной, индустриальной цивилизации, "тоталитарные" государства оказывались чрезвычайно хрупкими, какими бы твердыми и несокрушимыми они ни казались когда-то. Разве люди, которые создали Соглашение - люди, которые были не только хитрыми и умными, но и думали на столетия вперед, - выбрали бы этот вариант?

Виктор считал, что нет. Чем больше он размышлял над проблемой, тем больше он заключал, что Соглашение сделало... возможно, не "правильный" выбор, но, безусловно, лучший из возможных.

И он также думал, что выбор был для них легче из-за второго фактора. Антон убедил его, что Соглашение уйдет из Мезы. И, учитывая их методы, очевидно, что они всегда планировали покинуть Мезу в какой-то момент.

Что означало, что в конечном счете, что им просто было все равно, что случится с сессиз, если они когда-нибудь решат подняться в массовом порядке и превратить свои почти независимые гигантские жилища в худшую боевую местность, какую когда-либо имели наземные военные силы, встречавшиеся в галактической истории.

К тому времени Соглашение уже давно уйдет. Ну ... скорее всего, недавно. Но, тем не менее, уйдет.

Вздрогнет ли хоть на мгновение организация, которая в течение столетий держала в рабстве просто ради достижения своих долгосрочных целей десятки миллионов человек, позволив своим мезанским марионеткам пожинать бурю, которую она посеяла?

Виктор на самом деле смеялся над этой мыслью - тихо; без всякого яростного веселья - когда его, наконец, привели во внутреннее святилище Юргена Дусека.

Скорее всего, подумал Виктор, в одно из нескольких святилищ. Человек, который на протяжении более трех десятилетий был эффективным политическим лидером Нового Роста в дополнение к его более уважаемой роли главного гангстера, должен иметь долгосрочный образ мышления.